

Сознание как предмет психологического анализа*Научный руководитель А.Ю. Агафонов*

Необходимость изучения сознания на основе естественнонаучной методологии предопределила возникновение психологии в ее современном статусе. В. Вундт утверждал, что «психология должна изучать состояния сознания, их связь и отношения, чтобы найти, в конце концов, закономерности, управляющие этими взаимоотношениями» [Вундт, 2002, с 7].

Тем не менее, приходится констатировать, что загадка человеческого сознания так и не была решена. Как пишет В.М. Аллахвердов: «Величие этой тайны подчеркивают попытки ее раскрыть [Аллахвердов, 2000, с. 40]. Проблема сознания связана с необходимостью построения релевантного ей методологического подхода. Несостоятельность попыток найти такой подход является системообразующей составляющей кризиса теоретической психологии, о котором упоминают многие ученые. Так А.Ю. Агафонов раскрывает суть этого кризиса применительно к современной отечественной психологии через три ключевые тенденции.

Во-первых, это «центробежная тенденция», связанная с «дроблением предметной области исследования и соответственно увеличением локальных, узконаправленных эмпирических исследований, результаты которых, подобно элементам плохо выполненной мозаики, не укладываются в целостную картину, научно-психологического знания [Агафонов А.Ю., 2003, с.22].

Во-вторых, в сознании современных академических психологов имеет место «инерционное действие» теоретических постулатов классиков отечественной науки – Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева. В этом смысле верным оказывается утверждение, согласно которому, степень гениальности той или иной теории определяется тем, насколько долго она тормозит дальнейшее развитие науки. Вместе с тем, как пишет А.Ю. Агафонов: «Беда состоит в том, что полноценное, а не аномальное развитие науки воз-

можно только при условии появления новых теорий, построенных на новых основаниях, теорий с более сильным объяснительным потенциалом» [Там же, с.23]. Необходимо так же упомянуть о том обстоятельстве, что долгое время отечественная психология развивалась в условиях монометодологии: марксизм подменял собой все разнообразие теоретических подходов, характерных для мировой психологии.

И, наконец, третьим симптомом кризиса автор считает «инфляцию рационализма», связанного с отказом ученых-психологов от собственно теоретических построений, и концентрации на феноменологии и практике. «Я бы охарактеризовал развитие современной отечественной психологии не как эволюцию или инволюцию, а как *иноволлюцию*, понимая под этим развитие не вглубь, а вширь» – указывает А.Ю. Агафонов [Там же, с. 24].

Тем не менее, тема сознания получила широкое освещение в отечественной психологии. Особенностью изучения данной темы является то, что проблема сознания, будучи поставленной в том, или ином методологическом ключе, раскрывается в различных проблемных плоскостях. Эти проблемные плоскости характеризуются самим способом постановки вопросов о сознании (или каком – либо его проявлении). Для того чтобы произвести более или менее систематизированный обзор (не претендующий на исчерпывающую полноту) существующих в отечественной школе теорий, имеющих отношение к «загадке сознания», представляется логичным анализировать их с точки зрения тех вопросов о сознании, отвечая на которые, авторы выстраивали свои концепции.

Традиционно проблема сознания в отечественной психологии в первую очередь ставилась как вопрос о фило- и онтогенезе. Для чего и как возникает сознание в процессе антропогенеза? Дано ли оно человеку с рождения или оно формируется при жизни? Как развивается (или, может, точнее сказать, формируется) сознание у ребенка? Подобная постановка проблемы содержится в трудах классиков отечественной психологии как А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, В.П. Зинченко и др.

А.Н. Леонтьев, первым в отечественной психологии поставил проблему сознания. Он считал сознание «главной загадкой челове-

ской психики» [Леонтьев, 1983]. Основное условие и причину появления в антропогенезе сознания ученый усматривал в необходимости включения субъекта в «общественные отношения». При этом индивидуальное сознание может формироваться только под влиянием общественного сознания. А.Н. Леонтьев при проведении экспериментов с инвертированным зрением обнаружил, что сразу после одевания инвертирующих призм субъекту представлен зрительный образ, лишенный предметного содержания, а затем постепенно при продолжении эксперимента происходит восстановление предметности образа. Это первоначальная данность опыта вне предметности получила название чувственная ткань образа. Интерпретируя этот феномен, автор говорит о том, что чувственная ткань образа и есть опыт непосредственного восприятия (он не предметен, следовательно, не понятен субъекту), вместе с тем обычно чувственный образ обладает предметной отнесенностью как одной из основных своих ключевых характеристик. Механизм такой отнесенности и есть собственно сознательный механизм, который заключается в «означивании». За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы действия, в процессе которых люди познают и преобразуют объективную реальность. В индивидуальном сознании значения присутствуют не в чистом виде, а в форме личностных смыслов (во взаимообусловленности с мотивами, потребностями, деятельностью конкретной личности). Сознание, по Леонтьеву, не статичное образование – оно есть движение составляющих его элементов.

Воззрения Л.С. Выготского в полной мере согласуются со взглядами А.Н. Леонтьева. Л.С. Выготский утверждает, что опыт социального взаимодействия выступает необходимым условием формирования и развития сознания. Сформулированный Выготским закон культурного развития гласит, что «каждая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах: сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая». [Выготский, 1983, с. 145]. Механизм сознания так же понимается как означивание. Он формируется благодаря использованию знаков в качестве психических орудий в процессе межличностного общения.

А.Р. Лурия, работая в том же методологическом ключе и разделяя взгляды своих коллег, акцентирует ту особенность сознания, которая позволяет ему отражать не только непосредственно данную реальность, но и отвлеченный опыт. «Эта черта, способность выходить за пределы наглядного, и есть фундаментальная особенность сознания» [Лурия, 1979, с. 13].

В.П. Зинченко пытается более подробно описать механизм означивания. Значения автор понимал как кристаллизацию исторического опыта. Он выделял три вида значений – операциональные, предметные, вербальные. Вслед за Леонтьевым, В.П. Зинченко использовал понятие «чувственная ткань». Она представляет из себя строительный материал образа. Но образ всегда более многомерный и емкий, чем сама чувственная ткань, которая используется для его построения. Только преодоление этой избыточности, придает разумность человеческому действию, обеспечивает эффективность предметной деятельности. «Работа внимания может быть уподоблена работе скульптора, который отсекает от дикого камня все лишнее, кроме того, что он видит внутри него» – писал В.П. Зинченко [Зинченко, 1995, с. 5].

Методологический прием описания сознания, применяемый обозначенными выше авторами, заключается в попытках объяснить сознание через способ и смысл его возникновения в филогенезе. Этим смыслом видится передача общественно-исторического опыта. Необходимым условием возникновения сознания является речь и язык как специфическая система универсальных для данной культуры значений, своеобразная надличная память. Индивидуальное сознание воспринимает мир сквозь призму этих значений. Это положение имеет как минимум два важных следствия. Во-первых, человек способен воспринять только то, что означено, т.е. названо. Во-вторых, люди имеют возможность взаимодействовать в общем для всех поле значений, могут быть понятными друг другу. В этом, собственно говоря, и заключается основная роль сознания, рассматриваемого в данном методологическом ключе. Индивидуальное сознание развивается как производное «общественного». Механизм этого процесса видится в соотношении воспринятых, в результате обучения языку, значений с

индивидуальными потребностями и мотивами, превращении значений в смыслы (значения значения для субъекта).

Представители другого методологического направления в отечественной психологии видят основную причину неспособности психологии решить проблему сознания в эклектичности существующих теоретических подходов, отсутствии какой либо системности в понимании данного феномена. Действительно, любой, кто решит прояснить для себя суть научного представления о сознании в психологии, вряд ли сможет это сделать, т.к. вместо ответа на свой вопрос он столкнется с обилием теорий, описывающих разные феномены разными терминами, которые порой практически невозможно соотнести между собой. Совершенно очевидно, что до тех пор пока эта ситуация сохраняется, «загадка сознания» не может быть решена.

Ряд отечественных ученых предпринимают попытку систематизации представлений о феноменах сознания. Так А.В. Петровский и В.А. Ганзен предлагают классифицировать «наработанное» теоретической психологией понятийное поле явлений связанных с сознанием, соотнести понятия между собой.

А.В. Петровский рассматривает понятие «сознание» через «базисные категории психологической науки». В качестве таковых предлагаются: образ, мотив, действие, отношение, переживание, индивид. На основе каждой из них можно выявить «метакатегории», такие как – сознание, ценность, деятельность, чувство, Я. Так Петровский приходит к тому, что сознание – это «целостный образ действительности, реализующий мотивы и отношения и включающий в себя самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект» [Петровский, 1998, с. 19].

В.А. Ганзен предложил свою модель структурно-функциональной организации сознания [Ганзен, 1984]. Он предлагал использовать для анализа и описания любого явления в психике основные категории «понятийного ядра психологии». Психика, по Ганзену, может быть рассмотрена через две основные ее функции – отражение и регулирование. Они, в свою очередь, по вектору направленности активности в системе организм-среда подразделяются на активные и реактивные.

Группируя множество понятий, которыми описываются явления психической жизни человека, В.А. Ганзен выделяет следующие структурно-функциональные триады:

1. функция реактивного отражения реализуется через *перцепцию*, которая в свою очередь находит свое выражение в *ощущениях* и *восприятиях*;

2. функция активного отражения реализуется через *мышление* посредством *представления* и *речи*;

3. функция реактивного регулирования реализуется через *аффект* посредством *эмоций* и *чувств*;

4. функция активного регулирования осуществляется *волей*, которая находит свое выражение в *мотивах* и *действиях*.

Сознание выполняет интегральную функцию, включая в себя *внимание* и *память* в качестве сквозных процессов. Память интегрирует всю информацию в едином хранилище, внимание интегрирует человека со средой в актуальный момент времени.

Рассмотренный выше методологический подход к постановке проблемы сознания пытается реконструировать феномен сознания с позиции системного подхода, позволяет упорядочить понятийное поле, обнаружить взаимозависимости понятий. Так А.Ю. Агафонов, характеризуя теорию Ганзена, подчеркивает, что «данное описание позволяет прийти к выводу о том, что в случае наличия сознания у человека, все психические процессы и состояния не могут рассматриваться безотносительно к факту наличия сознания» [Агафонов, 2007, с. 123].

В настоящий момент в отечественной психологии обозначился еще один методологический подход к постановке проблемы сознания. Он представлен трудами В.М. Аллахвердова, А.Ю. Агафопова, а так же их учеников. Этот подход, по сути, представляет собой попытку моделирования работы сознания, которое понимается как система когнитивных механизмов. В.М. Аллахвердов пишет: «Цель организмов, обладающих сознанием, – не выживание, а познание... Следует рассматривать человека как существо познающее, призванное решать исключительно познавательные задачи» [Аллахвердов, 2006, с. 19].

Основные принципы теоретического моделирования сознания, предлагаемые авторами, заключаются в следующем:

1. Модель должна быть идеальной. «Теоретическое представление о сознании должно строиться таким образом, как если бы сама когнитивная деятельность сознания не зависела от конструкции мозга, строения нервной системы и физиологии организма с одной стороны, и социологии микро и макроокружения личности с другой... Теоретическая репрезентация сознания – это всегда идеализация» [Агафонов, 2007, с 289].

2. Модель должна быть эвристичной. Модель должна объяснять эмпирические факты. Из этого следует так же то обстоятельство, что модель должна проверяться экспериментально. При этом, проверке подвергаются эмпирически наблюдаемые следствия работы тех механизмов, которые были теоретически смоделированы.

3. Модель должна быть функциональной. Под этим подразумевается то, что она демонстрирует, вскрывает работу механизмов сознания: «Теоретическая реконструкция неосознаваемой деятельности сознания означает описание принципов работы, функциональных механизмов и выявление детерминант осознаваемого опыта» [Там же, с. 290].

Рассмотрим содержание модели, предложенной В.М. Аллахвердовым. Свою теорию автор называет «психологией». Она базируется на двух основных предположениях. Во-первых, для того, чтобы объяснить те или иные феномены сознания необходимо отказаться от представления о том, что работа сознания обуславливается возможностями и ресурсами работы нервной системы и головного мозга, в частности. Как пишет Аллахвердов «ни объем воспринимаемой мозгом информации, ни на объем ее хранения в памяти, ни на скорость ее восприятия не наложено никаких существенных физических и физиологических ограничений» [Аллахвердов, 2000, с. 262]. Мозг – идеальная система, способная перерабатывать весь объем поступающей информации одновременно. Если мозг при обработке информации и имеет какие-то ограничения, то их можно не принимать во внимание, в силу того, что сама познавательная деятельность, осуществляемая сознанием, имеет ограничения несравнимо более мощные. Из этого положения автор делает вывод о том, что все феномены сознания могут быть поняты только как следствия внутренних механизмов рабо-

20

ты самого сознания: «Мы заранее утверждаем, что объяснение всех психических феноменов должно опираться только на логику познания» [Там же, с. 13]. Второе предположение состоит в том, что работа сознания как когнитивного механизма происходит по законам логики. «Психика написана на языке логики», она «не только может трактоваться как логическая система, но и на самом деле есть логическая система» [Аллахвердов, 2000, с. 119].

Как же работает сознание согласно модели предложенной Аллаhverдовым? Для объяснения механизмов его работы автор «психологии», предлагает выйти за пределы ставшей традиционной парадигмы понимания сознания как осознания, предложенной еще Вундтом. Осознанные переживания, данные носителю сознания с субъективной очевидностью, являются лишь результатом, продуктом работы механизма сознания, который обеспечивает трансформацию информации в осознанное переживание. Сама работа механизмов сознания происходит в неосознаваемом плане. В бессознательном строятся гипотезы, догадки о том, какова окружающая нас действительность (или собственный внутренний мир). «Мозг всегда готовит к осознанию одновременно несколько конструктов, по разному интерпретирующих детерминацию явлений». [Аллахвердов, 2006, с. 23]. При этом существует специальный механизм, «механизм осознания», принимающий решение о том, какой из подготовленных конструктов осознать (в авторской терминологии «сделать позитивный выбор»), а какие отвергнуть («сделать негативный выбор»). Этот выбор осуществляется случайным образом, и затем, осознанная догадка упорно защищается сознанием от опровержений. Сознание строит так называемый «защитный пояс осознаваемых гипотез». «Роль случайности выбора по мере развития и взросления человека постоянно уменьшается, но никогда пока работает сознание, полностью не исчезает» [Там же, с. 24].

Автор предлагает множество экспериментальных подтверждений предложенной теоретической модели, интерпретаций широко известных эмпирических фактов. Так, например, объяснение получают такие факты как повторяемость ошибок («закон последствия позитивного или негативного выбора»), инсайт (смена позитивно и негативно выбираемых гипотез), способность осознавать одновременно

только один вариант восприятия ситуации, вариант решения (если ода гипотеза выбрана позитивно, то все остальные оказываются негативно выбранными) и т.д.

Методологическая позиция, которой придерживается А.Ю. Агафонов в изучении феномена сознания, оказывается достаточно близкой к выше обозначенной.

Так А.Ю. Агафонов так же отстаивает идею о том, что «для объяснения осознаваемых переживаний нужно выйти за пределы осознаваемого опыта, сознание нельзя отождествлять с осознанием» [Агафонов А.Ю., 2007, с. 289]. Сознание включает в себя неосознаваемое как необходимое условие своей деятельности. Сознание, таким образом, видится как некий универсальный механизм работы психики как целого. Суть работы сознания понимается автором в когнитивном ключе. Сознание выступает инструментом построения картины мира познающего субъекта. Как пишет А.Ю. Агафонов, «Сознание – это «ученый» внутри эмпирического субъекта, а картина мира – это «теория», которая строится в течение всей жизни» [Там же, с. 292]. Построение такой теории предполагает включение прошлого опыта. «Сознание, реализуя познавательную активность, проверяет именно мнемические гипотезы» [Там же, с. 293].

В этой связи особое внимание автор акцентируется на роли памяти как одного из ключевых элементов в работе сознания, так как «все категории психического являются дериватами многомерных связей памяти» [Агафонов, 2003, с. 163]. Развивая свою «смысловую теорию сознания», автор отталкивается от вопроса о том, что представляет собой мнемический след, иными словами, что именно хранит память. Вопрос о природе мнемического следа вытекает из попытки объяснить такие, казалось бы, элементарные и вместе с тем фундаментальные феномены работы сознания как опознание и узнавание. Ученый указывает на то, что узнаваемость, обеспечиваемая актами идентификации возможна только как следствие работы механизма сличения. Как же возможно сличение если:

- «в памяти не может храниться перцептивный образ, поскольку он есть только в актуальный момент времени... перцептивный образ всегда связан с наличной ситуацией и никогда не повторяется... это

справедливо и для вторичных образов представлений» [Агафонов, 2003, с. 55],

- в памяти отсутствует образ аналогичный актуальному.

Как память позволяет реализовывать понимание (идентификацию, опознание), хотя и не сохраняет сами продукты психической активности?

Этот же вопрос автор задает себе и на более обобщенном уровне. Как обеспечивается относительное тождество модели мира построенной человеком с самим реальным миром при условии, что «у человека нет возможности сопоставить свою картину мира с реальным миром»? Отвечая на данный вопрос, А.Ю. Агафонов приходит к выводу о том, что, у человека существует только одна возможность доказательства объективного существования вещей, а, следовательно, и доказательства своего непосредственного существования. Эта возможность, по мнению автора, заключается в соотношении моделей мира построенных в различные периоды времени, и в разных познавательных контурах в один и тот же момент времени: «эти модели должны существовать и допускать возможность сравнения» [Агафонов, 2003, с. 48]. Такое предположение порождает дальнейшие вопросы:

- что является основание такого сравнения?
- как сличаются неповторимые «модели мира в разные моменты времени» или качественно различные «модели мира, построенные в разных познавательных контурах»?

Рассматривая проблему сознания в подобном ключе, А.Ю. Агафонов приходит к представлению о семантической природе организации памяти и, в более широком смысле, сознания: «Познавательные контуры сознания: сенсорно-перцептивный, контур представления, мыслительный и рефлексивный – есть формы, содержащие смыслы» [Там же, с. 99]. Ключевой характеристикой смысла, по Агафонову, является его амодальность. Именно это обстоятельство, с точки зрения автора, обеспечивает «возможность обнаружения, различения, опознания, другими словами, процесса познания» [Там же, с. 98].

Таким образом, сознание в концепции А.Ю. Агафопова представляет собой механизм понимания, осмысливания: «В силу наличия у эмпирического субъекта неустрашимой способности к пониманию, во

всем, что окружает человека сознание стремится найти смысл» [Агафонов, 2007, с. 299]. Агафонов изучает влияние на процесс осознания ранее осознаваемой и не осознанной информации. В результате анализа экспериментальных данных (например, результатов экспериментов с использованием неосознаваемых прайм-стимулов) автор приходит к выводу, о том, что понимание воспринятого существует и на неосознаваемом уровне. «Обнаружение и сличение осуществляются еще до принятия решения об осознании, то есть на начальном этапе построения когнитивного процесса. Т.о. человек как носитель сознания осознает лишь часть той информации, которую понимает, и хранит в памяти несравненно больше информации, чем способен вспомнить или узнать» [Там же].

Модель неосознаваемой когнитивной деятельности, по Агафонову, должна включать четыре этапа:

1. Обнаружение. Это исходный вариант построения когнитивного процесса.

2. Сличение информации с эталонами памяти. На этом этапе происходит семантизация информации. В процессе такой семантизации, по Агафонову, происходит приписывание каждой единице информации множества смыслов. Возникает латентный эффект избыточности понимания.

3. Принятие решения об осознании/неосознании. Результатом работы механизма принятия решения является преодоление избыточности понимания. Осознается только один из вариантов интерпретации реальности.

4. Исполнение решения. Обеспечивается работой рефлексивного механизма сознания. Он включается, если предварительно принято решение об осознании. Исполнение принятого решения и порождает субъективное переживание осознанности.

Модели, предложенные В.М. Аллахвердовым и А.Ю. Агафоновым, во многом являются взаимодополняющими. Ключевыми характеристиками методологического подхода к постановке проблемы сознания, из которого исходят авторы, являются следующие утверждения:

1. Сознание рассматривается в когнитивном ключе. Смыслом работы сознания видится познание.

2. Сознание видится как интегральный механизм работы психики в целом, анализируются его осознаваемые и неосознаваемые составляющие.

3. Изучение сознания предлагается осуществлять методом построения идеальной модели сознания как некоего когнитивного механизма, дальнейшей ее верификации в соответствующих экспериментальных исследованиях. Итогом такого моделирования, с точки зрения авторов, должно являться обнаружение и описание конкретных механизмов сознания.

4. Выделяются следующие механизмы работы сознания: механизм принятия решения об осознании/неосознавании, рефлексивный механизм, механизм сличения, механизм опознания, механизм узнавания и т.д.

5. Формулируются закономерности работы выделенных механизмов сознания (например, закон последствия позитивного и негативного выбора).

6. Проблема сознания в данном методологическом ключе ставится в виде вопросов о логике работы сознания:

- в чем состоят универсальные механизмы работы сознания?
- как они действуют?
- как происходит осознание или неосознавание?
- как осуществляется операция сличения (например, в процессе восприятия)?
- как происходит понимание на бессознательном уровне?
- какие факторы влияют на принятие решения об осознании или неосознавании той или иной информации? Как именно влияют?

Таким образом, проблема сознания в данном методологическом ключе перестает быть терминологической проблемой, а вопросы о механизмах работы сознания переводятся из разряда риторических в конкретную экспериментальную плоскость.

Литература

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара, 2007.

2. *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб, 2003.
3. *Аллахвердов В.М. и др.* Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб, 2006.
4. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб, 2000.
5. *Вундт В.* Введение в психологию. СПб, 2002.
6. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т 3.М., 1983.
7. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии., Л., 1984.
8. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания.//Вопросы психологии, 1991, №2.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1983.
10. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
11. *Петровский А.В. Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М, 1998.

Д.Ю. Сысоев

«Память» – редукция к эстафетным структурам

Проблемы, порожденные анализом памяти человека, до сих пор не позволяют исследователям, принадлежащим различным научным дисциплинам, прийти к устраивающему нас ответу на вопрос о том, что это, собственно, такое. С одной стороны, уже давно и прочно зафиксированы основные свойства исследуемого объекта. С другой, существуют и постоянно воспроизводятся различные классификации типов памяти. И то и другое, вроде бы, однозначно свидетельствует о необходимости дальнейших исследований памяти как процессов запоминания, хранения и воспроизведения. Да, конечно, это необходимо. Но являются ли данные, которые мы до сих пор собирали, достаточным условием для продолжения анализа в рамках общепринятых представлений? Полагаю, эти они свидетельствуют как раз об обратном. Попробуем несколько видоизменить основной и традиционный вопрос – «Что такое память?» – на другой, акцентирующий наше внимание не на памяти, а на методах ее исследования. Вопрос звучит так: «Как мы вводим представление о памяти человека?»